Обзоры и рецензии

Ю.М. Эскин. Дмитрий Михайлович Пожарский. М.: Квадрига; Зебра Е, 2013. 352 с.

Новая книга видного знатока российской истории раннего Нового времени Юрия Моисеевича Эскина – полновесное историко-биографическое исследование жизненного пути кн. Д.М. Пожарского, развивающее лучшие традиции российской историографии Смуты и расширяющее наши знания новыми данными и интерпретациями. В 17 главах и обширном справочном материале, включающем два указателя, биохронику и тщательно подобранные иллюстрации, автор осуществляет непростую задачу. Избегая литературной фантазии и чрезмерной научной детализации, он заново реконструирует образ одного из освободителей Российского государства, не впадая ни в гиперкритический подход Н.И. Костомарова, ни в национально-имперскую риторику И.Е. Забелина, учитывая достижения советской исторической науки и самые последние гипотезы и открытия (в том числе польских коллег).

Новые источники, сведённые воедино в исследовательской биохронике, позволяют локализовать во времени и пространстве многие события в жизни героя книги. Этот жанр, хорошо известный по хроникам писателей, специалистам по раннему Новому времени в России знаком, наверное, только по книге И. Грали¹. В изучении биографии кн. Д.М. Пожарского этот исследовательский прорыв был отчасти подготовлен архивными находками и введением в научный оборот ранее малоизвестных и неизвестных источников в работах М.П. Лукичева, А.П. Павлова, А.В. Антонова, И.О. Тюменцева, С.В. Сироткина, И. Грали, Т. Бохуна, А.-А. Маевского и других, и не в последнюю очередь – самого Ю.М. Эскина.

На пути к историко-биографическому построению автору приходится решать ряд проблем, которые во многом намечают новое понимание мотивов и направлений деятельности кн. Пожарского и позволя-

ют увидеть более полно и многообразно саму эпоху, охватывающую значительный временной промежуток между 1570 и 1642 гг.

Князь Дмитрий выступает в книге как личность, вплетённая в сложные клановые отношения. В числе его предков по линии матери – думный дворянин Василия III И.Н. Берсень Беклемишев, и это служило важным подспорьем в служебной карьере Пожарских. Кроме того, возможно, именно по линии матери родичами князя Дмитрия были, как недавно выявлено, Щелкаловы и Зюзины. Службы предков по линии отца были не столь заметны, а их опала могла ограничить им доступ к родословным книгам, но в его роду были мученики за веру, и князь с гордостью заявлял, что Пожарским местнической потерьки «нигде не бывало». Проблемой для биографа становится матримонимальное родство Пожарских. Неясно, была ли сестра князя Дарья старше его, но её брак с кн. Н.А. Хованским был важным фактором в жизни Пожарских, а однажды, в 1618 г., когда в плен попал её сын Иван, это родство стало предметом международной политики и даже слухов о пленении самого Пожарского. Остаётся загадкой, из какого рода происходила первая жена самого князя Дмитрия Прасковья Варфоломеевна. В этом направлении Эскин делает осторожный, но вполне оправданный шаг вперёд, допуская, что и отсутствие данных о её владениях, и её родня, никак не проявившая себя в источниках, если не считать возможной причастности к ней пустопоместного ржевского дворянина Д.И. Вахромеева, могут свидетельствовать в пользу её происхождения из незначительного или просто-таки незнатного рода. При этом дети Пожарского через браки породнились с князьями Куракиными, Пронскими и Лыковыми, а сам престарелый герой на склоне лет женился вторично (на княжне Ф.А. Голицыной).

Родство показывает, что князь-стольник (предположительно пониженный царём Василием до московского дворянина), в силу одного своего придворного статуса фигура далеко не первостепенная в годы Смуты и выдвинувшаяся благодаря своим талантам и удачам, сыграл роль посредника между различными служилыми слоями русского общества.

После получения боярского статуса он стремится закрепить положение (своё и всей семьи) при дворе, однако его местническая история, восстановленная Ю.М. Эскиным, признанным знатоком в этой области, в ранее недостижимых подробностях, показывает, что ему самому приходилось осаживать других выдвиженцев Смуты вроде И.Н. Чепчугова, а московская элита не смирялась с появлением при дворе выскочки, новоиспечённого боярина, на которого не без успеха били челом представители Салтыковых, Пушкиных, Траханиотовых, Долгоруких, Бутурлиных. Местнические дела служат надёжным источником для установления статуса, выше которого царь Михаил поднять Пожарского был не в силах, при том, что во время наиболее ответственных назначений, особенно походов против «ляхов» и казаков, князь был неприступен для местнических жалоб, поскольку его авторитет воина был непререкаем. Такая двойственность, вызванная отчасти чрезвычайными путями социальной мобильности князя, отражалась в пересечении внутренних и внешних оценок его статуса. До воцарения Михаила Романова новгородскому посольству оккупационной шведской власти Пожарский напоминает в 1612 г. о величии кн. В.В. Голицына – «столпа», на котором бы «все держались», и считает себя чуть ли не невольником «бояр и всей земли». А в 1615 г. царский сборщик налогов будет жаловаться на его приказчика, что тот говорил, будто Пожарский «указывает на Москве государю». Ю.М. Эскин видит в первом примере проявление «скромности и величия» князя (с. 76), а во втором «странные формы» его славы (с. 112). И то, и другое, думаю, можно истолковать и иначе, учитывая всё, что нам известно о миссии, возложенной на II Ополчение и особенно на его лидеров, и задумываясь над клеветническими

по своей форме показаниями С.Б. Унковского на людей Пожарского.

Пожарский, будучи несомненно человеком монархических взглядов, вероятно, не считал себя исполнителем воли или проводником политики одной кандидатуры на царский престол, и в этом он, как, видимо, и его соратник К. Минин, принципиально отличался от других лидеров современных ему вооружённых движений, в том числе от лидеров I Ополчения. Это соображение навечно не только скромным преклонением Пожарского перед Голицыным, и, наверное, даже не столько им, поскольку в его словах в данном случае можно видеть уловку, рассчитанную на разжигание розни между шведским новгородским правительством и Речью Посполитой (эта же цель может рассматриваться как ключевая в борьбе Пожарского за шведскую кандидатуру на московский престол)². Гораздо более весомым аргументом в пользу такого сценария представляются источники, детально изученные Ю.М. Эскиным в монографии и специальных работах, – личная печать князя Дмитрия и печать II Ополчения³. Знак Совета всея земли воспринят с личной печати Пожарского и, возможно, говорит о том, что Совет выступает как бы от имени Пожарского, превращая свои решения до выборов царя на Земском соборе в его личную инициативу, поддержанную «землёй». Благодаря исследованиям Эскина перед нами открывается ещё одна возможность ответить на вопрос о популярности движения Пожарского: II Ополчение было первым и единственным в российской истории военно-политическим движением (а одновременно, по польско-литовским меркам, дворянской «конфедерацией»), которое не выступало от лица претендента на верховную власть, не представляло никакого конкретного кандидата, а видело свою цель именно в том, чтобы очистить путь кандидатам к элекционной борьбе за трон в Москве (опять же, по польско-литовским меркам это движение предполагало представительство от «всей земли» на Земском соборе как элекционном сейме, впрочем при условии, что будет решён неясный для России к 1612 г. вопрос о представителях и представителях этой «земли»)⁴.

Скудость источников, знакомая любому специалисту по истории Московской Руси XVI – начала XVII в., затрудняет задачу проникновения в психологический мир, мировоззрение и мотивы поведения людей того времени. Однако для историка существенными становятся косвенные свидетельства, которые Ю.М. Эскин мастерски использует, высказывая в форме более или менее обоснованных догадок и «замечаний на полях» свои оценки и исследовательские интуиции. Пожарский немногословен, но отнюдь не молчалив. По его кратким высказываниям можно составить портрет скромного человека, осторожного политика, талантливого и хитрого полководца, верного данному слову царского слуги. Даже если перед нами панегирический образ, в чём-то подчинённый неведомым сегодня канонам формирования репутации человека эпохи Смуты, оценки Ю.М. Эскина заслуживают самого внимательного рассмотрения и полновесной научной дискуссии. На мой взгляд, они позволяют усомниться в схеме С.Ф. Платонова – В.Б. Кобрина, согласно которой Пожарский добился успеха благодаря своему «консервативному настроению». События конца 1612–1613 гг., воспринятые многими современниками как восстановление порядка и возвращение к прошлому, как бы затмевают предшествующие реалии, наполняя их смыслом, который, возможно, ощущался участниками событий и ранее. Но сводить планы сторон и их взаимные оценки к этим чаяниям было бы анахронизмом.

Компромисс в 1611–1612 гг. был недостижим, если лидер не обладал долей бескомпромиссности, решительностью и готовностью к неординарным поступкам. В этой связи, на мой взгляд, заслуживает дискуссии последовательно проводимая в книге версия о государственном и моральном превосходстве Второго Ополчения над Первым. В пользу такой точки зрения недостаточно данных. Во-первых, лидеры II Ополчения осторожно отнеслись к результатам деятельности своих предшественников (воевод в Костроме и Суздале сменили почти мирно, приводимый Ю.М. Эскиным пример лишения поместий всё же показывает, что поместье не отбиралось, а изымалось с обещанием компенсации). Во-вторых, провокации и призывы лидеров I Ополчения к признанию Лжедмитрия III были час-

тью борьбы Ополчений за легитимность и конкуренции между ними за лидерство, и к ним было бы не вполне корректно относиться как к проявлению недальновидных политических решений кн. Д.Т. Трубецкого и его соратников. В-третьих, нежелание Пожарского поступить под командование Трубецкого может объясняться не его отношением к Трубецкому или казачеству, а обязательствами, которые князь Пожарский взял на себя перед «всей землёй» и «всех чинов людьми» и которые полностью нивелировали местническую иерархию и лишили смысла борьбу за старшинство между Ополчениями. В-четвёртых, на мой взгляд, негативный фон в отношениях между командованием I и II Ополчения сформирован *postfactum* и в большей мере отражает как риторику организаторов II Ополчения, так и сменившуюся конъюнктуру в России 1613–1614 гг. Демонизация I Ополчения не должна предопределять наших решений, когда мы рассуждаем о «частном» (в кавычках в книге – с. 51) приезде Пожарского в Москву накануне мартовского восстания 1611 г. (возможно, спровоцированного А. Гусевским), а также о покушении на Пожарского, в котором видна авантюра И. Заруцкого (возможно, также спровоцированная из Кремля), внёсшая раскол в само I Ополчение. В-пятых, за объединение Ополчений на всём протяжении борьбы против интервентов выступал келарь весьма значимого для лидеров II Ополчения Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын (об этом см. с. 65–66, 89–90). Отношение автора к инициативам и сочинениям Авраамия оправданно неоднозначное, но важно не только то, чего именно хотел Авраамий, но и то, какие настроения он уловил и воплотил. Кроме того, сохранились польские свидетельства о том, как во время осады Москвы в 1612 г. Трубецкой и Пожарский совместными силами дискредитировали царя Владислава, лишая кремлёвский гарнизон правовой основы, и они не противоречат тому, что мы знаем о взаимоотношениях между Пожарским и Трубецким⁵. В этом вопросе равновесная концепция, принятая Ю.М. Эскиным, впрочем, только в отношении принципов его героя, представляется наиболее оправданной (с. 68).

Необходимо вернуться к сомнениям, высказанным ещё в 1870-е гг. Н.И. Кос-

томаровым. В нашем распоряжении нет данных о том, какими соображениями руководствовался Пожарский, когда всё же слишком мягко по тем временам отказал П.П. Ляпунову в организации переворота против царя Василия IV в мае 1610 г. или принял участие в московском восстании 18–19 марта 1611 г., как менял и менял ли вообще своё отношение к кн. Д.Т. Трубецкому, почему ратовал за кандидатуру Карла-Филиппа на московский трон, какими своими качествами собирал вокруг себя друзей, сторонников, служилых людей и наёмные отряды, как относился к избранию царя Михаила на московский трон. Обратим внимание на то, что в этих и подобных им вопросах историки после книги Ю.М. Эскина (хотя в чём-то, конечно, ещё и до её появления) вынуждены взвешивать различные версии, с которыми связаны интерпретации ряда ключевых вопросов российской истории.

Исследователь считает, что личность Пожарского оказалась привлекательной для организаторов II Ополчения в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, как отмечалось ещё в XIX в., князя Дмитрия отличала верность присяге. Он не прельстился ни на кандидатуры Лжедмитриев II и III и Ивана Дмитриевича, не «изменил» царю Василию, даже после Клушино, не принял польскую кандидатуру, возможно, даже когда её принял патриарх Гермоген. Во-вторых, он проявил себя как решительный и осторожный воин, вызывавший уважение у «своих» и у противника умением организовать оборону (особенно летом 1610 г. в Зарайске, в 1612 и 1618 гг. в Москве). В-третьих, он владел мастерством воина-тактика, много раз умело противостоял наёмникам, казакам и «лисовчикам», лавировал в отношениях с I Ополчением и избежал ошибок его лидеров.

Наконец, хотя, возможно, это далеко не последняя причина по своему значению, Пожарский был интеллектуалом, образованным и глубоко религиозным человеком (см. о «знаках свыше» в его жизни с. 62, 84). Он собирал книги, умел не только читать, но и ещё ребенком – писать, во взрослой жизни проявил себя покровителем опального писателя кн. С.И. Хари-Шаховского, высоко чтил церковных

деятелей и святых, в завещании подробно расписал получателей не только коней, бытовых предметов и денег, но и образов, книг, сделал значительные вклады на помин души. Ю.М. Эскин показывает, как во внешнюю канву деятельности князя Дмитрия вплетались его взгляды, убеждения и даже неведомый нам «чёрный недуг». О значении Пожарского говорит также его придворный статус в правление первого Романова, постоянное участие в приказной и судебной работе, в дипломатических миссиях, в царских застольях, его дружеские и родственные связи при дворе. Рецензируемая монография содержит подробное исследование недвижимости, имущества, крестьян и слуг (в том числе даже скоморохов) в подчинении Пожарского. Князь предстаёт перед читателем не только видным публичным деятелем, но и рачительным хозяином в своих владениях. Впрочем, некоторые статьи в хронике избыточно кратки, и вряд ли, просмотрев их, читатель догадается, сохранился ли «Устав», в котором Н.М. Карамзин обнаружил запись о вкладе Пожарского в Николо-Зарайский собор (с. 223, ср. с. 39), что за иск крестового попа Пожарского «о подговорной женке» упоминался в грамоте 10 марта 1634 г., и какое отношение этот иск имеет к самому Пожарскому (с. 274, ср. с. 193).

Затронут в книге, хотя лишь вскользь, и вопрос формирования исторической памяти о Пожарском (с. 216–219). Можно только сокрушаться, что становление образа Пожарского в XVII в. остаётся на повестке многообещающих исследований, а работа Н.А. Свободова «Образы Минина и Пожарского в художественной литературе XVIII и XIX в.», уже, вероятно, устаревшая, в полном объёме нам до сих пор неизвестна⁶.

Монография Ю.М. Эскина – добротный труд, который сводит воедино обширный и в значительной части неопубликованный материал, представляющий князя Дмитрия в различных его социальных проявлениях. Она послужит основой для дальнейшего изучения не только путей и перипетий Д.М. Пожарского на службе и дома, но и многих сторон общественной жизни Российского государства в Смуту и в первые годы правления Романовых. Принятые автором гипотезы уведут читателя и от бездумной героизации князя и его ок-

ружения, и от недооценок, которых трудно избежать, если есть желание видеть в герое Смуты патриота, национального героя или чудо-богатыря. В каком-то смысле работа Ю.М. Эскина отвечает на дискуссию Н.И. Костомарова с И.Е. Забелиным компромиссной точкой зрения: Пожарский отличался, по крайней мере, в глазах современников, «безупречностью поведения», но его способности, и не только военные, но и административные, и дипломатические, и придворные, никак нельзя назвать «дюжинными». Отклонив фантазии об аутентичном портрете героя, на переплете и фронтисписе книги автор приводит образ склоненного перед архангелом Михаилом Иисуса Навина с полкового знамени Д.М. Пожарского. Если это и не «портрет героя», то уж во всяком случае хорошая иллюстрация к словам Ю.М. Эскина о том, как заполняется испещренная прочерками «канва жизни» человека XVII столетия.

К.Ю. Ерусалимский

А.И. Раздорский. Конская торговля Москвы в XVII веке (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). М.: Старая Басманная, 2011. 283 с.

Монография видного учёного, специалиста по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. А.И. Раздорского посвящена изучению специализированного торгового рынка в Москве на рубеже 20–30 х гг. XVII в. – рынка лошадей. Известно, что лошадь в хозяйственно-бытовой и производственно-торговой жизни русского крестьянина и горожанина на протяжении всей истории страны играла огромную роль. То же самое можно сказать и про жизнь служилого или приказного человека из рядового дворянства, когда он находился на государственной службе или у себя в имении. Поэтому исследование Раздорского, впервые в российской историографии дающее обзор московского конского рынка в послесмутное время, когда экономика страны оправлялась от последствий гражданской войны, вызывает большой интерес.

В предисловии А.И. Раздорский показывает малоизученность конской торговли в России XVII в. и слабую включённость в

Примечания

¹ *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994.

² *Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008.

³ См. также: *Эскин Ю.М.* Печати членов Боярской Думы в 1633 году. К истории русской «предгеральдики» // *Russia Mediaevalis*. München, 2001. Т. X. 1. С. 205–223.

⁴ *Флоря Б.Н.* О приговоре Первого ополчения // *Исторические записки*. Вып. 8 (126). М., 2005. С. 85–114.

⁵ *Bohun T.* Moskwa 1612. Warszawa, 2005. S. 247–248.

⁶ *Кузнецов А.А., Морохин А.В., Пудалов Б.М.* Историография ополчения Минина и Пожарского (предварительные наблюдения) // *Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига*. Н. Новгород, 2012. С. 102–103.

научный оборот материалов конских таможенных книг, знакомит читателя с типами и особенностями данных источников. Представленные автором цели работы по анализу содержания конских таможенных книг московского рынка 1620–1630-х гг. закономерно определяют наиболее оптимальный для изучения данного вида массовых источников метод – метод регистирования, позволяющий в ёмком информационном формате передать содержание такого источника. Автор критически оценивает возможности применяемого им метода, что чётко обуславливает роль подготовленной им публикации и перспективные направления исторических разысканий по дальнейшей работе с представленными источниками. Введение в научный оборот данных московских конских таможенных книг в форме регестов имеет важное значение для изучения торговли особенно тех городов XVII в., по которым таможенных книг (как ключевого источника) по разным причинам не сохранилось или не